

Лу Гуань, отстав на несколько шагов, подошел и обнаружил, что стоящий перед ним молодой человек выглядит странно незнакомым. Легкий тусклый свет падал на его плечи, плечи и спину были худыми и хилыми, словно он не мог выдержать и дуновения ветра.

Лу Це не имел глубокого впечатления об этом старшем брате, только что в зале аудиенций ему не удалось как следует разглядеть его внешность. Теперь же перед ним был мужчина со сложным взглядом, смотрящим на него. Внешность, предстающая перед глазами, была ясной и изысканной.

Он не был похож на теплую и утонченную яшму Лу Юя и не унаследовал твердые, мужественные черты лица императора Чэндэ. Вместо этого в нем была своеобразная иньская мягкость, демоническое очарование, очень чувственное.

Почувствовав враждебный взгляд Лу Гуаня, он слегка кивнул, уголки рта медленно изогнулись в холодной насмешливой улыбке.

— Приветствую пятого брата.

Лу Гуань не упустил выражения на его лице. Вспоминая события, произошедшие на утреннем совете, он увидел, как на том демонически чувственном лице внезапно появился слой холодности, в глубине зрачков явно читалась глубокая ненависть.

Словно они были не сводными братьями от общего отца, а заклятыми врагами с давней враждой.

— Если осмелишься говорить чепуху перед отцом, смотри, как я разорву тебе рот! — злобно бросил Лу Гуань фразу, после чего, раздраженно взмахнув рукавами, ушел.

Прибыв во дворец Чансин, изумрудные глазурованные черепицы и цветное стекло сверкали, отражая великолепие. Император Чэндэ сидел на главном месте, перед письменным столом лежали еще не просмотренные меморандумы. Драгоценный амбра, символ императора, распространялся из позолоченной головы зверя клубящимся дымом, запах разливался по залу.

Оба склонились в поклоне. Император Чэндэ, выражение лица не меняясь, холодно хмыкнул.

Евнух Гао перед письменным столом растирал тушь для императора. Он подмигнул им двоим, и те поспешили выпрямиться в еще более почтительной позе, устремив взгляд на нос, нос на рот, рот на сердце.

Долгое время спустя император Чэндэ передал меморандум в руках Гао Цюаню для наложения печати, затем перевел взгляд на выпрямленное тело Лу Це, стоящего на коленях. Голос был мощным и сильным, словно способным пробить облака.

— Как жилось Цюю все эти годы в Великой Чжоу?

Императорский пронзительный взгляд дюйм за дюймом скользил по его бровям, глазам, носу, рту, до изгиба подбородка. Глаза-ястреба были холодными и суровыми, без малейшей отцовской любви.

Лу Це коснулся лбом земли, поза была скромной и почтительной.

— Благодаря покровительству Великой Чу, в Великой Чжоу ко мне, вашему слуге, относились неплохо. Однако, находясь вдали от семьи и родных, тоска по дому особенно сильна, поэтому

жилось непросто.

Как только слова прозвучали, лицо императора Чэндэ смягчилось, очевидно, эти слова порадовали императора. Его голос стал немного мягче.

— Мой сын пострадал.

— Лу Гуань! — Император Чэндэ внезапно перевел взгляд и позвал.

Раздался звук трения ткани о пол. Лу Гуань, продвинувшись на коленях на два шага вперед, сказал.

— Ваш слуга здесь.

Ба-ах! — Раздался громкий звук удара ладони о столешницу, отрезвляющий, очень бодрящий слух. Император Чэндэ сказал грозным голосом.

— Ты, будучи старшим братом, на утреннем совете при всех угрожал младшему брату! Разве зал совета, где собрались все гражданские и военные чиновники, — это место для ваших дурачеств и игр? Признаешь ли ты свою ошибку?

Лу Гуань задумался, его изящные брови, не соответствовавшие характеру, нахмурились. Под сильным давлением и угрозой он, казалось, пошел на уступки.

— Ваш слуга виноват.

Хотя слова были извинением, в них не было ни капли раскаяния.

— Если еще раз повторится, я ни в коем случае не пощажу. — Грозный голос тяжело упал, одновременно ударив по сердцам тех, кто стоял на коленях под помостом.

Лу Це опустил голову. В месте, недоступном ничьему взгляду, уголки его рта расплылись в ледяной улыбке.

На утреннем совете их с Лу Гуанем неприязнь друг к другу была очевидна для всех. А теперь император Чэндэ не пожалел императорской угрозы, чтобы заставить Лу Гуаня извиниться перед ним.

Если это распространится, то и вправду будут думать, что Лу Це невероятно любим.

Император Чэндэ еще несколько раз отчитал их, не сильно и не слабо, после чего махнул рукой, приказав им убираться.

Когда они вышли из дворца Чансин, императорский указ последовал за ними: обоим вычет жалованья на полгода.

Небольшое наказание, начавшееся громко и закончившееся тихо, не причинившее большого вреда.

Лу Це.

Это имя тихо прошептал Лу Гуань, уголки его рта изогнулись в злобной и порочной усмешке.

* * *

С того небольшого наказания на утреннем совете обоим было запрещено покидать резиденции на полмесяца.

Казалось, император Чэндэ только теперь обратил внимание на этого своего сына. Бесконечные награды потоком хлынули в резиденцию князя Лина.

На утренних советах он по-прежнему высоко ценил наследного принца, полностью поручив ему дело о наводнениях в Цзяннани.

После серии наград резиденции князя Лина больше не было никаких известий, что и впрямь подтвердило поговорку «императорское сердце непостижимо».

Когда пришло время вернуться в зал совета, Лу Це, вопреки обыкновению, дважды подряд публично опровергал слова наследного принца.

Лу Юй каждый раз, видя этого младшего брата, скрипел зубами от злости, его кроткий характер обнажал острые углы.

Между ними постепенно намечалась тенденция к противостоянию. Посторонние говорили, что вражда между его высочеством князем Лином и фракцией наследного принца уже укоренилась.

Несколько подчиненных чиновников из Министерства церемоний, видя, что он иногда более сговорчив, с любопытством высказали свои сомнения.

Тогда они увидели, как Лу Це в расслабленной позе, рассеянно сказал.

— Питаясь от щедрот государя, несешь его заботы. Его высочество — наследный принц, но также и слуга. Слуга исправляет наследного принца, слуги спорят между собой — так и происходит рост, и есть прогресс.

Он отвечал настолько высокопарно, что, распространись это, фракция наследного принца, даже имея обиду, могла только терпеть и не смела высказываться.

Если бы с Лу Це что-то случилось в этот переломный момент, первой под удар попал бы наследный принц.

Нельзя было обижать, нужно было хорошо оберегать.

Из-за этого многие старые заслуженные сановники, близкие к наследному принцу, не на шутку посидели от забот.

На следующий день, после утреннего совета, Лу Це вернулся в резиденцию князя Цзянбэя, а выйдя оттуда, уже сменил одежду на более простую и облегающую. Скрываясь среди толпы, он дошел до улицы Сицзин, где у обочины стояла чайная под навесом.

Вскоре после того, как Лу Це сел, с противоположной стороны переулочка подошел другой мужчина.

— Чиновники перешептываются, вы открыто поссорились с наследным принцем и князем Шэном на совете. Теперь во главе с канцлером Цзяном и другими, боюсь, они не оставят это дело просто так. Хотя сейчас все тихо, в будущем действовать нам будет еще труднее.

Лу Це держал в руках грубоватую на вид чайную пиалу, подушечкой пальца слегка потирая

край. Веки опущены, выражение неясное. Долгое время спустя только послышался его тихий голос, легкий, как дымок.

— Если бы я не поссорился с Лу Юем, не выставил бы себя на острие атаки, не стал бы мишенью для всех, как бы я мог позволить другим быть спокойными? И тогда оставалось бы ли противоядие?

Жуань Дао запнулся, но, подумав, тоже немного прояснил для себя. Люди из Великой Чжоу согласились отпустить Лу Це обратно в Великую Чу, лишь держа его жизнь в руках.

Никто не мог выжить под действием такого сильного яда, а если и выживал, то либо умирал, либо получал тяжелые ранения.

Лу Це из-за инцидента в Гуаньдуне уже был в ссоре с императорским родом. Если бы увидели, что он снова помирился с императорским родом, боюсь, люди в далекой династии Чжоу, чтобы пожертвовать пешкой ради спасения короля, могли бы и вправду перестать поставлять противоядие.

Они посидели в чайной еще полчаса, после чего один за другим поднялись и ушли.

Лу Це направился в другую сторону. Сегодня после совета его пригласили в павильон Ланьтин, другой чиновник из Министерства церемоний, также занимающий синекуру.

Павильон Ланьтин расположен на восточном рынке, на некотором расстоянии от улицы Сицзин.

Поэтому, когда Лу Це прибыл, небо уже начало постепенно темнеть.

Одиноким закат едва держался на краю заката, золотистый свет нес легкую теплоту.

Они несколько минут потолкались в церемонных приветствиях у входа, после чего вместе вошли внутрь.

Чжан Цяо был младшим сыном в знатной семье, над ним было два старших брата. В семье не надеялись, что он добьется больших успехов, лишь бы в Министерстве церемоний занимал синекуру и не создавал проблем.

После того как Чжан Цяо устроился в Министерство церемоний, никто сверху донизу не смел с ним связываться. Прежние приятели-бездельники тоже были строго ограничены. Случайно они с Лу Це оказались в одной смене, оба бездельничали, нечего было делать. После нескольких раз вместо того чтобы подружиться с Лу Це.

На первом этаже в главном зале были расставлены места, посередине построена круглая сцена. Танцы, каллиграфия и живопись были главной особенностью павильона Ланьтин, привлекавшей в основном литераторов и знатоков искусства. Обстановка была элегантно и тихой.

Они заказали отдельный кабинет на втором этаже. Хотя и назывался отдельным кабинетом, из-за полуприкрытых занавесок можно было видеть все, что происходит на сцене внизу.

Если не хотели, чтобы другие знали, можно было закрыть дверь кабинета, отгородившись от внешнего шума.

Поднявшись на второй этаж, шаги, падавшие на пол, звучали очень глухо. Кабинет посередине имел лучший обзор, но сейчас его занавески были плотно закрыты, напрасно тратя прекрасное место для наслаждения видом.

Лу Це вздохнул, почувствовав сожаление.

<http://bllate.org/book/15603/1392872>